

Сейчас в Перми на гастролях находится народная артистка РСФСР Эдита Пьеха. Предлагаем интервью с ней.

— Мы знаем, Эдита Станиславовна: Ваши выступления в составе ансамбля «Дружба» завершились. Отныне Вы начинаете иной путь в искусстве, с новым коллективом. Чем это вызвано?

— В жизни ничто не происходит случайно, внезапно. Все имеет подготовку, созревает, а потом наступает скачок, переход в

ваю глаза — и Клавдия Ивановна Шульженко своей манерой доносит до моего сознания, до моего сердца те краски, те полноты чувств, которые способен подарить далеко не каждый. С самого начала она была для меня каким-то идеалом, и по сей день остается такой, и не только как певица, но и как человек. Преклоняюсь перед ее мужеством женщины, перед невероятным желанием оставаться всегда молодой.



ПЕСНЮ ПОНИМАЯ СЕРДЦЕМ



другое качество. Уже давно я ощущала недовольство собой. За плечами все-таки — двадцать лет с песней, в которую я верю свято. На языке песни все эти годы общалась с моими слушателями. Песня для меня — это способ открывать жизнь, понимать ее, делиться с людьми о пережитом, утверждать свою позицию. И с годами понятие «солистка ансамбля «Дружба» становилось мне, чу то ли, тесным.

Сейчас создан новый коллектив, по-моему, очень удачный, под руководством Григория Клеймица — человека большого трудолюбия.

— Кто Ваши любимые исполнители?

— Вообще, по-моему, быть любимым для всех невозможно: ни один артист не является «солнышком», и всех не обогреешь... Кого же я люблю слушать больше всего? Вот закры-

Из зарубежных исполнителей особо выделяю замечательную французскую певицу Барбару — своим тонюсеньким голоском, какими-то невероятно пастельными красками она рисует целые картины... Очень люблю тихонечко заводить пластинку, на которой «Жизнь в розовом свете» Эдит Пиаф — наверное, трагизм в личной жизни сделал эту женщину такой сильной в песне...

— Возвращаться к старым песням, «осовременивать» их стало ныне модным. Увы, далеко не всегда это делается тактично...

— Для того, чтобы спеть песню, иначе, чем раньше, чтобы ее «омолодить», надо уметь очень много. Когда молодые мальчики берутся за песни, которые нам очень дороги, которые — словно памятники, ибо за каждой — эпоха, — и вдруг начинают исполнять дерзко и неуважительно, это оскорбляет...

Кстати, старых песен я пела мало. Многие хорошие советские песни знала еще

на польском языке, например, «Чайка смело пролетела над седой волной...». И снова исполнила «Чайку» недавно — так, как чувствую ее именно сейчас. Конечно, можно было бы «Чайку» и аранжировать, «подновить», но это было бы уже искусственным. По-моему, возвращаясь к старым мелодиям, нужно делать все естественно. Когда я спросила у Клавдии Ивановны Шульженко, как это у нее получилось в песне такой красивый жест, она ответила: «Если сердце поет, тогда и руки поют». Поэтому мне кажется: если песню понимаешь сердцем, то никогда ее не извратишь, ибо будешь это делать искренне, «с чистыми руками».

Сегодняшние модные ритмы, признаться, уже порядком надоели. Мне кажется, что на только так-то вернется снова, но и забытые вальсы, другие мелодии наших бабушек...

— Есть ли в Вашем репертуаре песни, которые выделяете для себя особо?

— Нынче в свой отпуск я поехала в студенческие стройотряды. И вот в двухстах километрах от города Горького, в поселке Шатки, вдруг узнаю, что там на деревенском кладбище похоронена Таня Савичева. Покидая кладбище, знала, что песня будет обязательно, и сегодня она уже есть — на слова Виктора Гина, на музыку Евгения Дога: «Моя землячка, Савичева Таня, прости, что не пришла к тебе с цветами, не знала, что тебя я встречу здесь, где справа — лес, и слева — лес. И эти строки на твоей могиле меня огнем блокады опалили...».

Такие песни, которые пострадали мною самой, занимают, конечно, место особое. Но есть и другие, тоже дорогие мне, — их получала и получаю в подарок от авторов... Л. СИДОРОВСКИЙ.